

Зачем дирижеру броннебар?

Однажды я заехал в Альпы. Разумеется, не просто так: меня ждало свидание с известным дирижером, основателем гремевшего когда-то Московского камерного оркестра Рудольфом Баршайем. Покинувший страну в рядах "диссидентов" семидесятых, он обосновался в Швейцарии, где в перерывах между многочисленными гастролями и живет в затерянной в горах деревеньке Рамлинсбург.

Знаменитый музыкант, начинавший карьеру в составе им же организованного квартета (где на виолончели играл сам Ростропович), великолепный исполнитель-альтист и известный всему миру симфонический дирижер, ныне Рудольф Борисович - некурящий человек, строго придерживающийся систем рационального и здорового питания, пропагандирующий здоровый образ жизни и так далее.

Сидя за столом, уставленным исключительно здоровой пищей, мы заговорились допоздна. И... решили чего-нибудь выпить. "Водка? Коньяк? Вино?" - спросил Баршай. Отправились в подвалчик, где хранится выпивка, чтобы выбрать чего-нибудь.

В подвалчике я остолбенел: моему взору предстала огромная бронированная дверь с маховиками и рычагами многочисленных запоров. Отворив ее с видимым усилием, Рудольф Борисович пригласил меня внутрь. Помимо изрядного количества вин, коньяков и водочных бутылок я заметил нешуточные запасы консервов и питьевой воды, а также вентиляционную установку. Зная о том, что этот милый дом воплотил персональный проект, сделанный по эскизам самого Баршайа и его супруги, я слегка растерялся. Бывал я в частных домах знаменитостей и всякое видел: крытые бассейны, сауны, кегельбаны, тренажерные залы или бильярдные комнаты. Но вот бомбоубежище...

Выбрав бутылку французского коньяка, мы поднялись вверх. Третья рюмка развязала мне язык, и я спросил: "Рудольф Борисович! Ну зачем вам персональное бомбоубежище? Неужели вы думаете... И даже если - разве можно надеяться?" - и прочее в том же роде.

И тут Баршай поведал мне удивительную вещь. Оказывается, законы Швейцарии обязывают любо-

го домовладельца оборудовать свое жилище персональными бомбоубежищами, вмещающими всех потенциальных обитателей дома, плюс запас продовольствия и воды на трое суток. Я был потрясен, но мы продолжили свои разговоры.

Вскоре, оставив гостеприимный дом Рудольфа Борисовича, я поехал в Цюрих. Случилось так, что мы ужинали в ресторане с одним моим знакомым - "коренным" швейцарцем. Я не преминул навести справки по этому поводу, и тот мне поведал даже больше. Система мобилизации всего боеспособного населения Швейцарии рассчитана буквально по минутам. При объявлении боевой тревоги в течение трех минут все они должны достичь ближайших убежищ, тоннелей и прочих секретных объектов (дети, старики и женщины в расчет не принимаются). "Но почему именно три минуты?" - воскликнул я в недоумении. Оказалось, швейцарские военные теоретики скрупулезно подсчитали, что три минуты - это тот максимум, за который военные сверхзвуковые истребители-бомбардировщики, поднятые по тревоге в России, достигнут всех главных городов швейцарской конфедерации.

...Мы еще долго остряли по поводу швейцарского менталитета - впрочем, не шадя ни англичан, ни русских. Но поздно вечером, поворочавшись в большой постели цюрихского отеля "Амбассадор" в поисках наиболее комфортной позы, уже засыпая, я вяло подумал: "Бояться, дурачки... Бояться России - значит, уважать!" И, исполненный уважения к Родине и самому себе, я заснул безмятежным сном. А то обстоятельство, что в случае объявления тревоги я не смогу добежать до убежища за три минуты, меня ничуть не тревожило.

Смена 24 марта 2001 г., № 59 (22849) - с. 12.